(75) 76; 11:8

1

Вышедшая недавно книга Л. Леви-Брюля — „примитивная мифологія" является как бы итогом цѣлаго ряда работъ, полученнымъ (тѣмъ-же) автором и печатавшихся въ теченіи многихъ лѣтъ въ „алькановской серіи „Библіотека современной философіи". Не этапу пока-вопросъ ихъ: всякій ихъ знаетъ и не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы и Америки, т.к. они переведены на многіе языки (между прочимъ и на русскій) и всѣхъ были очень высоко оцѣнены. ~~Любопытно~~ Кой-кого, правда, нѣсколько удивляло, что эти книги были допущены въ библіотеку современной философіи. ~~На первый взглядъ~~ Казалось бы, что имъ мѣсто въ библіотекѣ современной ~~философіи~~ соціологіи и что ихъ авторъ только вѣрный, хотя очень самостоятельный и одаренный послѣдователь и ученикъ знаменитаго Дюркгейма. Послѣдний помогъ разсѣять это недоразумѣніе. Леви Брюль ставитъ себѣ (чисто) философскія задачи и при томъ самыя широкія, ~~метафизическія~~, не стараясь даже подойти къ проблемѣ, которую философія, особенно послѣ Канта, вообще тщательно обходила — къ проблемѣ метафизики познанія. Весь Если угодно — весь смыслъ большаго новаго тома — сводится къ метафизикѣ познанія. Можно даже сказать, что всѣ шесть огромныхъ томовъ, написанныхъ Леви Брюлемъ на тему о духовномъ мірѣ первобытныхъ народовъ — главнымъ или не исключительнымъ образомъ, подготовляли современнаго читателя къ той постановкѣ проблематики познанія, вершиной которой является послѣдній томъ

изучение
~~смысл и значение~~
(въ метафизикѣ познанія)

О жизни первобытнаго народа

27/2 × 21 3/2

Скажу еще разъ и подчеркну: современная философія не только избѣгаетъ и чуждается, она не признаетъ проблематики, а стало быть и метафизики познанія. Познаніе для всѣхъ представляется чѣмъ то стоящимъ внѣ всякихъ проблемъ. Когда Кантъ „доказалъ", что метафизика не можетъ быть наукой, онъ этимъ самымъ погасилъ въ себѣ весь метафизическій интересъ. Не случайно, конечно, ближайшіе его преемники — и Фихте, и Шеллингъ и, въ особенности Гегель, тѣмъ рѣзко, въ этомъ отношеніи, отмежевывались отъ Канта и такъ настойчиво стремились вернуть метафизикѣ отнятыя у нея Кантомъ права. Метафизика, которая не была бы наукой, не была бы знаніемъ и имѣла бы источникомъ своимъ моральныя основанія на моральныхъ постулатахъ не только чинила не соблазнъ, но всѣмъ представлялась заслуживающей презрѣнія. Да и самъ Кантъ не придавалъ ея бытію значенія и сохранилъ ее лишь для надобностей „практическихъ", и всѣ его дѣло, конечно, приходило ему на умъ, что это метафизика или вообще какая бы то ни была метафизика имѣла право посягнуть на вѣрховныя права знанія, обезпеченныя въ нашемъ мірѣ синтетическими сужденіями a priori, открытыми разумомъ.

хотя и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобъ придать ей наукообразную форму

И вотъ Дюи-Кинке въ послѣдней своей книгѣ, рѣшается, вопреки всѣмъ философскимъ традиціямъ, въ которыхъ онъ самъ выросъ и воспитался, противопоставить познанію мнѣ, какъ источникъ истины. И при томъ мнѣ не культурному народовъ,

привычной палъ вещъ и потому въ какомъ то смысле приспособившійся къ нам
пріемлемой, а наче наибольше первобытныхъ народовъ Австраліи или приспособившій насъ
и Новой Зеландіи и не только потому, что они чаще подъ себя
даются изученію благодаря изобилію и достовѣрности имѣю-
щихся у насъ документовъ (стр. VII) въ новѣйшихъ обширныхъ
изслѣдованіяхъ послѣдняго времени Вирзовъ, Дальмана, Стреловa, Ратцеля'а
и мн. другихъ, которые почти годами среди племенъ
названныхъ странъ, превосходно освоились съ ихъ язы-
комъ и нравами и передаютъ въ своихъ книгахъ
то, что видѣли своими глазами, но еще и потому
что чѣмъ дальше народъ отъ нашихъ наваговъ
мышленія, тѣмъ больше возможности провѣрить
законность притязаній на основаніи нашего опыта сдѣланныхъ нами обобщеній
~~обще~~ основныхъ принциповъ и источниковъ истины.
~~Не то, чтобъ Леви Бюль~~ Первобытные народы мало
заботятся о координированіи мнѣній съ пребыва-
ніями логики. Такъ въ Австраліи, тоже у Дени-
мановъ. Леви Брюль приводитъ слова одного изъ
шамановъ, сказанныя европейцу: „Вы хотите, чтобъ
сверхъестественное было понятнымъ. Но мы мало
заботимся объ этомъ. Мы не понимаемъ, но вполне
удовлетворены. Вспоминая по поводу этого извѣстное
credo quia absurdum, Леви Бюль пишетъ: „равно-
душіе къ явнымъ, даже вопіющимъ противорѣчіямъ
есть одна изъ главныхъ чертъ, которыми отличаю-
тся поговки мышленія дикарей отъ нашихъ. Хотя, конечно, основная струк-
Они, когда усматриваютъ явное противорѣчіе тура всѣхъ души всегда одна
очень къ этому чувствительны и отвергаютъ его и такие
по части о томъ, что мы видимъ противорѣчи-
они его не находятъ и остаются къ нему равно-
душными, примѣняются къ нему и являются

въ этомъ смыслѣ какъ бы фологическими существами. Это связано съ мистической ориентаціей

ихъ духа, съ одной стороны, не придающей значенія логическимъ или физическимъ условіямъ выполненности вещей и съ отсутствіемъ интереса къ общимъ понятіямъ. Въ этихъ словахъ основная мысль Леви-Брюля. Онъ предупреждаетъ ~~нас~~ не разъ, что единственный способъ проникнуть въ духовный міръ примитивныхъ народовъ для насъ, лишь дѣти европейскаго воспитанія, въ томъ, чтобъ не навязывать имъ своихъ представленій о признакахъ отдѣляющихъ истину отъ лжи. „Логическія обобщенія у нихъ замѣняетъ общій имъ всѣмъ элементъ эмоціональности (XV)". И еще въ другомъ мѣстѣ: „Они безъ сомнѣнія метафизики, но не потому, что у нихъ есть тайна знанія" (XXV). Леви-Брюль энергично возражаетъ Wirt'у, который слѣдуя Тайлору и его школѣ, объяснявшимъ непослѣдовательность и противорѣчія въ представленіяхъ примитивныхъ людей слабостью ихъ умственныхъ способностей и, что только въ силу этого въ ихъ душѣ рядомъ съ дѣйствительнымъ несуществующимъ міромъ находитъ себѣ мѣсто и „воображаемый міръ" — сверхчувственный. Итакъ сказано, что ихъ міръ въ воображаемый міръ является результатомъ

мало обоснованныхъ

разсужденій, кромѣ въ свой чередъ порождается стремленіемъ объяснить какую нибудь особенность или какое нибудь событіе обыкновенно, опять е. Но гипотеза Тайлора произвольна и ни чѣмъ не основана — кромѣ увѣренности, что мы вправѣ принимать ориентаціи нашего мышленія по

нуаремъ или австралійцамъ. Если отъ насъ отказаться, то всѣ противорѣчія и путаницы въ мысляхъ Дюркгейма намъ представятся совсѣмъ въ другомъ аспектѣ. „Имъ ~~вѣра~~ въ воображаемый міръ помѣ уже не покажется какъ заключеніе, вытекающее изъ цѣпи разсужденій: этотъ міръ окажется воображаемымъ только для насъ. Въ ихъ глазахъ онъ реаленъ, даже болѣе реаленъ, чѣмъ міръ повседневнаго и обыкновеннаго опыта: онъ тоже является объектомъ опыта. Но этотъ опытъ — есть опытъ сверхъестественный и потому имѣетъ высшее значеніе. Коротко мнѣнія Wirth'а и Найтора, существованіе этой сверхъестественной реальности примитивнымъ человѣкомъ приходитъ путемъ заключеній. Мы же представляемся наоборотъ, что она непосредственно дана (подчеркнуто мной), тамъ, гдѣ усматриваются операціи разсужденія, я конечно чувствую, иными словами, иными словами, опытъ, весь четко характеризуемый дѣйствіемъ аффективной категоріи сверхъестественнаго." То, что Леви-Брюль называется „аффективной категоріей сверхъестественнаго" непосредственно связано съ мистической ориентаціей примитивныхъ народовъ и принципіально отличаетъ ихъ мышленіе отъ нашего. Они не ищутъ, какъ мы, „причины того, что ихъ удивляетъ или поражаетъ, какъ нарушающее обычный опытъ". Эта причина — она имъ дана ужѣ впередъ, у нихъ нѣтъ надобности ни спрашивать, въ чѣмъ она, ни спекулировать о ней, ни философствовать. Они — метафизики поэтому, но не потому, что они ищутъ знанія. Они метафизики въ силу чистого спонтаннаго движенія; у нихъ есть частной, гармоніи

XLIV

Не уму, а волѣ дано рѣшать, что есть, что нѣтъ, что истина, что ложь.

Vol XI

сказать непрерывный опытъ реальности, которая превосходитъ и господствуетъ надъ обычными мѣстами природы и постоянно въ нихъ вмѣшивается. "Этотъ опытъ" или, какъ въ другихъ мѣстахъ выражается Леви-Брюль, "этотъ" "первоначальный данный сознаніемъ" примитивныхъ народовъ приходится, какъ мало это ни подходится съ нашими умственными привычками искать источникъ рожденія ~~ихъ~~ ихъ и значеніе для ихъ понимания, то, что намъ кажется величайшей пошлостью, предѣломъ безумія - въ этомъ видятъ примитивные люди дѣйствительность и дѣйствительность par excellence. У ~~жителей~~ туземцевъ голландской южной Ѳвиненсіи, Manda-anim, которымъ посвящено обширное изслѣдованіе Wirtz, вся миѳологія имѣетъ своимъ центромъ представленіе о Ѳемо. И вотъ, какъ намъ не трудно собственно представить, это слово обозначаетъ и прародителей предковъ, которые создали всѣ живыя существа, растенія и животныя, острова и моря, материки, человѣческія общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳема употребляется и какъ нечто прилагательное, обозначая все "странное, необычное и необъяснимое". И это "необычное и странное" оно больше всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе первобытной мысли. То, что всегда повторяется, что происходитъ по опредѣленнымъ привычкамъ ихъ не занимаетъ: это само собой понятно. Непонятно лишь то, что необычно. И именно необычное привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе примитивныхъ людей, какъ сверхъестественное, которое впоследствіи должно быть объяснимо т.е. свы-

(Они ихъ называютъ „вѣчно несуворенными")

какъ и вѣчно несуворенными предки

дено къ общему, какъ къ тому стремится человѣчество западной культуры. И тутъ Леви-Брюль снова энергично выступаетъ противъ гипотезы Тейлора объ анимизмѣ „фактъ (изъ жизни первобытныхъ обществъ) показалъ, что онъ ни на чемъ не основанъ. Примитивный мистицизмъ mentalité, ориентирующійся совсѣмъ иначе, чѣмъ наша, прежде всего (отчасти) патологически мистичны". Можетъ быть что въ нѣкоторыхъ случаяхъ у примитивныхъ людей имѣется желаніе объяснить фактъ, ихъ поражающій „но именно этого объясненія имъ не приходится искать. Оно у нихъ заранѣе готово — если не въ подробностяхъ, то во принципѣ. Въ этотъ моментъ, когда аффективныя категоріи сверхъестественнаго проявляютъ свое дѣйствіе, объясненіе уже подсказано. Факты, выходящіе природные принуждаютъ насъ, не ~~заставляютъ~~ и не ~~заставляютъ~~ заставляютъ ихъ къ интеллектуальному усилію. ~~Въ~~ Въ своей мистич. ориентированности, они готовы принять, за видимыми предметами и фактами, иной міръ, невидимый силъ. Вторжеміе этихъ силъ они чувствуютъ каждый разъ, когда что либо необычайное ихъ страшитъ или поражаетъ. Въ ихъ глазахъ сверхприродное объясняетъ, проникаетъ и поддерживаетъ природное. Оттуда текучесть природы. Миѳы не объясняютъ ее — они только отражаютъ сверхприроду. Вообще, сверхприрода даетъ содержаніе миѳамъ, отчасти служащимъ нашей умѣ". То, что Леви Брюль зоветъ „текучестью" есть одна изъ характерныхъ чертъ міровоспріятія примитивныхъ народовъ „Въ этомъ лучше всего выражается контрастъ между сверхприродой и нашей дѣйствительной природой, въ которой наб-

80

37

находится правильной смѣна явлений, даже если, какъ это знаютъ и примитивные люди, детерминизмъ и здѣсь не всегда такъ неизмѣненъ. Міръ миѳовъ не знаетъ даже этой отчасти фиксированности. Его искусство въ томъ именно и состоитъ, что специфическая форма растеній и животныхъ въ немъ такъ же мало устойчива, какъ и законы явленій. Въ какой моментъ можетъ произойти что угодно. Такъ-то, въ каждое мгновеніе, любое живое существо можетъ обратиться въ какую угодно новую форму, собственно ли вмѣстѣ и чи двоитъ-ся Дема". Все зависитъ отъ замѣшанныхъ въ эту игру мистическихъ силъ и зависитъ только отъ нихъ". Леви-Брюль особенно настаиваетъ на этой особенности мышленія примитивовъ. Въ миѳахъ, какъ и въ фольклорѣ, которому посвящена большая половина второй части книги Леви Брюля и, которыя, какъ онѣ правильно замѣчаетъ, трудно отдѣлить отъ миѳа, то порождающаго, безконечно много разсказывается о такихъ превращеніяхъ". Мы находимъ ихъ сказочными и совершенно невѣроятными. Но это лишь потому, что у насъ нѣтъ, какъ у туземцевъ опыта, непосредственнаго чувства реальности мистическаго міра и того, что этотъ міръ содержитъ. Уже въ этихъ словахъ сразу отмѣчается положеніе, которое занялъ Леви-Брюль по отношенію къ идеямъ первобытныхъ народовъ. Онъ не только не судитъ ихъ согласно по выработаннымъ нами критеріямъ истины, онъ ставитъ вопросъ о томъ, достаточны ли наши „опытъ", то что мы обыкновенно считаемъ опытомъ вообще, для того

36

99–100

чтобы проникнуть въ духовный міръ первобытнаго человѣка. Въ другомъ мѣстѣ онъ, приводя ~~утверждаетъ~~ разсказъ дикарей о томъ, что какого-нибудь дерева или луки или подводныя скалы и вѣтеръ могутъ принять человѣческій формы и и т. п. и все такое, что намъ представляется бо́льше, чѣмъ страннымъ, даже прямо нелѣпымъ, онъ страннымъ вѣсть!, какъ все такъ приняли они къ этому? Не видятъ они, что-ли, что скала есть погруженная въ воду масса неподвижной матеріи? Что вѣтеръ, который дуетъ волны, не имѣетъ ни головы, ни какихъ другихъ членовъ? Видятъ, конечно. Но что не менѣе ускользаетъ отъ ихъ вниманія, чѣмъ отъ нашего. Но для нихъ ни существа живыя, ни предметы не являются мономорфными. Они не ~~располагаются~~ укладываются, не varietur, въ опредѣленныя кадры разумно организованной природы. Наоборотъ, имъ присущи къ разсматриваетъ природу, какъ нѣчто текучее, и живыя существа и предметы какъ нѣчто безразлично обнимающееся по одну, то въ другую форму или, что почти имѣетъ тотъ-же смыслъ, какъ обнимающіяся въ двѣ формы, изъ которыхъ одна — человѣческая. Внѣшняя форма — только акциденція, стоящая сбоку нѣкіе чуждое реальной бытію существа. Имѣетъ-ли онъ ее, обладаетъ-ли онъ ею формами — это совершенно не важно, мистическая сущность его остается неизмѣнной. Кажется намъ невѣрно трудно отвѣтить смыслъ такого пониманія міра и что не трудно удержаться больше, чѣмъ на мгновеніе на этой точкѣ зрѣнія."

Этой же „мистической ориентаціи" Л. Брюль объясняет

и стр. 99 подчеркивая, что „во этомъ сказывается умственная навыки, общіе всѣмъ первобытнымъ людямъ и связанные съ ихъ мистической ориентаціей"

явленія такъ называемаго тотемизма, о которомъ въ свое время такъ обстоятельно говорилъ Durkheim, а потомъ Frazer и Gillen, съ одной стороны и Strelow съ другой. ~~Выдающимся~~ Новейшим изслѣдователем этого явл. тут. Radcliffe-Brown, который ~~видитъ~~ считает, что проблема тотемизма есть только часть, болѣе обширной проблемы отношеній человѣка и природы, выражающихся въ ритуалѣ и миѳѣ". Соглашаясь съ Radcliffe-Brown'ом, L. B. объясняет, что тотемическія institutions ограждения сравнительно болѣе понятными, когда мы, чтобъ проникнуть въ их смыслъ, вспоминаем о мистическом

83 ориентаціи первобытныхъ людей. „Нигдѣ они не проявляются болѣе отчетливо, чѣмъ въ миѳѣ и обрядностяхъ". Мысль не позволяет, въ событіяхъ болѣе подробно остановиться на томъ, что разсказывает L. Lévy-Bruhl о тотемизмѣ. Все они тѣмъ-же важно, какъ и то, что мы до сихъ поръ отъ него слышали о духовной жизни первобытныхъ народовъ. Въ той же причинѣ мы не можемъ сомнѣваться и на томъ, что онъ разсказывает чѣмъ о фолклорѣ первобытныхъ странъ. Новѣйшій Леви Брюль усматриваетъ и съ предѣльной убѣдительностью показываетъ какъ огромное значеніе миѳа въ жизни первобытныхъ народовъ. Первобытный человѣкъ всецѣло въ власти миѳа. „Въ этомъ наиболѣе сказывается и чувствуется разность ориентацій первобытной и нашей мысли. Первобытная мысль вращается въ мірѣ несравненно болѣе текучемъ, въ которомъ невидимыя связи постоянно фиксируются въ слѣдованіи явленіе за явленіемъ, слѣдовательно, какъ ничего невозможнаго

289

съ точки зрѣнія физической". То, что мы считаемъ
чудеснымъ и исключительнымъ для туземцевъ происходитъ
въ томъ же планѣ дѣйствительности, въ которомъ хроникуются
людьмъ и повседневныя событія.„ Нечто, что мы они 295
не считаютъ необычными. Но необычное является
чаще того, что происходитъ нормально. Подчеркнутъ
авторомъ). Мистическая ориентація и навыки мышленія
которые съ ней связаны, дѣлаютъ то, что непосред-
ственныя данныя опыта бываютъ чужды, чѣмъ наши
На слѣдующей страницѣ онъ снова повторяетъ: „та-
ким образомъ имѣетъ опытъ, въ значительной части
отъ нашего опыта не отличающійся, заключаетъ
въ себѣ данныя, которыя ускользаютъ отъ бумагъ, и
которыя только туземецъ можетъ различить и воспри-
нять". Ничто не пробуждаетъ его недовѣрія по отношенію
къ той части опыта, которую мы считаемъ мистиче-
ской... Когда въ миѳѣ или сказкѣ передается, что
волшебникъ съ себя шкуру и сталъ человѣкомъ, туземецъ
знаетъ, что такія превращенія происходили множество
разъ и эта частность не задерживаетъ даже
на минуту его вниманія. Вопросъ: правда-ли то, что
возникаетъ предъ нимъ въ его опытѣ такія вещи обычны.
Если бы кто либо поставилъ ему такой вопросъ и онъ
былъ его понялъ, онъ былъ бы имъ тоже не пораженъ, какъ
мы его можемъ рассуждать. И этотъ не „антропоморфизмъ,
который до сихъ поръ объяснялъ всѣ явленія духовной
жизни примитивныхъ народовъ, въ третій разъ повторяетъ
и настаиваетъ Levy-Bruhl. „У нихъ нѣтъ ни 310
ботанической идеи растеній ни зоологической идеи
животныхъ. ... Только тогда, когда человѣкъ привыкаетъ...

отдѣлять одну отъ другой и даже противопоставлять ихъ другъ другу, только тогда найдетъ себѣ выраженіе антропоморфизмъ. Тогда станетъ возможнымъ приписывать болѣе или менѣе серіозно животному качества и недостатки человѣка. И это будетъ тѣмъ болѣе занимательно, чѣмъ болѣе прочно мы убѣждены, что это только игра и что разстояніе между человѣкомъ и животнымъ непреодолимо... Но миѳы и сказки первобытныхъ людей, въ которыхъ идетъ рѣчь о животныхъ-людяхъ и людяхъ-животныхъ вовсе не притворяются, ~~утверждаютъ~~, не дѣлаютъ только видъ, что они не знаютъ, какое разстояніе отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ. Оно имъ въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно. Они, стало быть ничѣмъ не обязаны антропоморфизму. Они
31/ возникли до него и задолго до него

Такова роль миѳа въ примитивныхъ обществахъ и таковъ по Леви-Брюлю его смыслъ. Я сказалъ раньше, что Леви-Брюль ~~осуждаетъ~~ отвергаетъ всѣ попытки пренебрежительно подвергнуть ~~осуд~~ критикѣ примитивную эмпирическую ориентацію на основаніи выработанныхъ нами критеріевъ истины. Но изученіе дикарскаго міра первобытныхъ народовъ поставило предъ нимъ еще болѣе трудный и серіозный вопросъ: не должно-ли намъ поступать наоборотъ? Не обязаны-ли мы провѣрить своихъ собственныхъ идеи осуществленіемъ истины тѣмъ, что мы узнаемъ отъ „остальныхъ" и даже найдемъ отставшихъ предшественниковъ человѣческихъ обществъ. Мы помнимъ, что они намъ говорили о совершенно чуждой нашему мышленію „дофеноменологической категоріи сверхчувственнаго", о томъ

что „непосредственныя данныя его сознанія ~~не покоятся~~ всегда находятъ на предѣлѣ того, что мы называемъ непосредственными данными, но понимая что они находили въ нихъ „опытъ" элементы, которые нашему опыту совершенно чужды и, что они съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ приглядывались къ столь непріемлемому для насъ представленію о „текучести" ~~всего того, что~~ мы называемъ „кадровъ", въ которыя мы уложили всѣ явленія природы." На, въ заключительныхъ страницахъ ~~очень идейныхъ~~ его книги не оставляютъ сомнѣнія, въ какомъ смыслѣ разрѣшаетъ онъ вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почему онъ имъ поставленъ. Онъ вспоминаетъ фольклоръ, фольклоръ живыхъ народовъ — вѣдь мѣстныя сказки „красная шапочка", „зонтика", хотя въ сапогахъ. „Въ этихъ сказкахъ, говоритъ онъ, мы попадаемъ въ міръ столь же текучій, какъ міръ жителей Австраліи и Новой Гвинеи, міръ столь же несовмѣстимый съ законами природы и логическими требованіями нашей мысли. Отчего же мы не отвращаемся отъ этихъ сказокъ, какъ отъ ребяческихъ вздоровъ, скучныхъ и смѣшныхъ. Отчего, наоборотъ, мы продолжаемъ проявлять къ нимъ всестороннюю возрастающій интересъ?" И ~~отвечает~~ до На послѣдній вопросъ онъ даетъ такой отвѣтъ: „~~Что, что~~ Требуетъ объясненія не то, что во многихъ обществахъ, болѣе или менѣе примитивныхъ люди, люди въ простотѣ вѣрятъ въ правдивость всѣхъ этихъ сказокъ, а то, въ нашемъ обществѣ имъ уже давно перестали вѣрить". И ~~въ~~ заключительныхъ строкахъ онъ предлагаетъ ~~свое~~ такое „объясненіе, смѣлость и оригинальность котораго отпугнетъ, надо думать, даже

!) Онъ постоянно напоминаетъ, „Какъ эта текучесть представляется совершенно несовмѣстимой съ условіями реальнаго опыта, и логическими, и физическими. Всѣ мы, ученые и невѣдѣвшіе, мы чувствуемъ, что живемъ въ интеллектуально-розвальной природѣ, строеніе которое опредѣляется необходимыми законами и примитивными формами, получающими свое оправданіе въ познаніи" И все же, „рѣдко кто можетъ вслухъ сознаться и равнодушно въ чарахъ этихъ сказокъ... Откуда это впечатлѣніе, столь живое и столь всеобщее? Несомнѣнно трудно отъ того, что они даютъ намъ возможность соприкоснуться съ текучимъ міромъ первобытнаго міропониманія и вводятъ насъ въ среду необыкновенныхъ существъ, возможныхъ только въ этомъ мірѣ"

искреннимъ друзьям всѣхъ его прежнихъ писаній. Приведу его цѣликомъ — оно того вполнѣ заслуживаетъ: „

„Причина тому, безъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ отчасти въ раціональномъ характерѣ цивилизаціи, которую создала и завѣщала намъ классическая древность. Изъ опыта, признаваемаго дѣйствительнымъ, мало-помалу были исключены всѣ подлежащія контроля и провѣрки данныя, т.е. всѣ данныя мистическаго опыта, черезъ которой открывается дѣйствіе невидимыхъ и сверхъестественныхъ силъ. Выражаясь иначе, область реальная стремилась все болѣе и болѣе совпасть съ областью тѣхъ царствующихъ законовъ природы и мысли. Все, что находится за этими предѣлами было отброшено, какъ невозможное... дыхнено было перестать почитаться дѣйствительнымъ.... И все же такого рода умственное состояніе не надо наблюдается. Оно присуще только нѣкоторымъ обществамъ. И что требовало большихъ усилій. Но и тамъ оно не всеобще и не непоколебимо. Оно требуетъ постоянной самодисциплины и человѣческій духъ, если онъ поддается господствующимъ въ немъ ~~[illegible]~~ непосредственнымъ отвращеніи. Запрещать, далеко не безразлично къ невозможностямъ мистич. міра и вовсе не думаетъ исключить изъ области реальности данныя мистическаго опыта... Такого рода исключеніе, хотя оно раціональное или, вѣрнѣе, потому что оно раціональное, заключаетъ въ себѣ — даже тамъ, гдѣ оно полу привнесли — принудительное. Этотъ запросъ, если бы они были предоставлены самимъ себѣ, повели бы духъ совсѣмъ по иному пути. Чтобъ насильно задерживать ихъ, надо за ними наблюдать. Во всѣхъ изъ проце-

ченіе, даже самое незначительное и постоянно делать надъ собой нѣкоторое насиліе." ... „Въ этомъ глубокая причина очарованія, которое привлекает насъ къ сказкамъ фольклора и въ этомъ соблазнъ ихъ. Когда мы къ ним приобщаемся, это принужденіе прекращается, мы освобождаемся отъ насилія. Когда мы ~~къ ним при~~ ихъ слушаемъ, мы радостно покидаемъ всѣ свои рациональные навыки мысли, мы больше уже не въ ихъ власти. ... Мы чувствуемъ, что уподобляемся людямъ, которые когда-то (да и теперь во многихъ странахъ) видели въ мистической части ихъ опыта такую же, и даже еще большую реальность, чѣмъ въ частяхъ позитивныхъ. Это не простой отдыхъ ~~души. Это~~ — вторжение духа" (une détente").

У О р152

Я изложилъ, на сколько было возможно въ небольшомъ замѣтѣ содержаніе замѣчательной книги Леви-Брюля. Познаніе, понимаемое какъ принужденіе, какъ насиліе надъ духомъ, миѳъ, какъ путь къ освобожденію, къ вторженію духа — и въ связи съ этимъ новой „опытъ", новая „непосредственная данная сознанія", и новая реальность, и новыя возможности, открывающіяся для того, въ кому „афоритичная категорія сверхъсуществующаго" прорвалась сквозь ~~сознанія~~ привычныя интеллектуальныя категоріи и есть „простой „объясненіемъ" и есть причастность къ „сверхъсуществующему" — вотъ результаты, къ которымъ пришелъ знаменитый французскій философъ послѣ долголѣтняго изученія духовной жизни первобытныхъ народовъ. Нѣтъ надобности говорить о глубинѣ, оригинальности, смѣлости и совершенной необычности выказанныхъ Л. Леви-Брюлемъ взглядовъ всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ современными философскими теченіями, безъ труда ~~и даже въ~~ пойметъ значительность его мысли. Въ этой книгѣ полагается начало не „теоріи познанія", къ которой насъ пріучили, но метафизикѣ познанія, которой до сихъ поръ у насъ не было, и которой мы безъ суевѣрнаго страха видимъ угрозы всѣмъ основнымъ устоямъ нашего міропониманія, за которой современному человѣку пришлось идти въ отдаленныя страны, къ первобытные люди. Она ~~не открываетъ~~ Тѣмъ самымъ ~~Выводитъ съ тѣмъ~~, она открываетъ путь къ истинной метафизикѣ бытія, къ онтологіи, къ „реальности", засорившейся для насъ нашими несовершенными категоріями познанія.

И, могу „теорій" ~~ту~~ слововой туманъ „теорій" и „познаній" разсѣвается — реальность представляется намъ въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ, чѣмъ представлялась прежде. Можно больше сказать — мы впервые открываемъ реальность, и ту, которая намъ нужнѣе всего. Книга Леви Брюля, ~~такимъ образомъ, и вы~~ вливаетъ зависимость (для насъ, конечно) бытія и отъ познанія, которой мы совершенно не подозрѣвали, есть такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и введеніе въ метафизику бытія, въ то, что принято называть онтологіей.

Y0 153

4 derniers lires manquent

L. Chestov. Athènes et Jérusalem. Revue Philosophique, novembre-décembre 1935, janvier-février 1936

9

Статьи Шестова связана со появившимся не так давно замечательным ~~книгою~~ двухтомным трудом знаменитого историка средневековой философии E. Gilson'a: L'esprit de philosophie médiévale. В своем труде Gilson раскрывает и обосновывает положение о глубокой внутренней связи между ~~греческой~~ и иудейско-христианской философией, и средневековой и новой и новейшей — со стороны греческой

qui se dégage de cette étude, nuancée Gilson (II. 205) on peut dire que la traverse de bout en bout, c'est que tout se passe comme si la révélation judéo-chrétienne avait été une source religieuse de développement philosophique ~~[illegible]~~ : on peut légitimement se demander, s'il y aurait jamais la philosophie chrétienne si la philosophie grecque n'avait pas existé!". ~~[illegible]~~ Далее говорит: „Si c'est à l'Ecriture que nous devons d'avoir une philosophie qui soit chrétienne, c'est à tradition grecque que le christianisme doit d'avoir la philosophie". В ~~[illegible]~~ системе Декарта, отца новой философии est suspendu à l'idée d'un Dieu tout puissant, qui se crée en quelque sorte soi-même, crée a plus fort raison les vérités éternelles, y compris celles de mathématique, crée l'univers et hihile." Не отрицая исторической правильности глубокой ~~свя~~ внутренней связи между греческой, средневековой и новой философией, устанавливаемой Жильсоном, Шестов оспаривает в принципе самую возможность слияния греческого языческого мышления с идеей откровенной истины. Новая философия, наследница греческой и средневековой философии (не только не признала библейского Бога, она, выражаясь словами Гитчо, убила его). Нужно выбирать между Афинами и Иерусалимом, между истиной откровения и разумной. Si vis tibi omnia subjicere — te subjice rationi, говорили греки. Библия в этом видит величайший соблазн и искушение; когда злой дух в пустыне, словно повторяя Сенку говорит Христу: haec omnia tibi dabo

309

" По мнению Жильсона, в одной фразе

pour

Лейбниц приходил в негодование при мысли о вечных мучениях, сотворенных

Ольденб. (112) утверждаетъ, что въ древнихъ буддійскихъ текстахъ понятіе Майи совсѣмъ не встрѣчается и будто, учение Будды, принадлежитъ только къ школѣ Vedânta.

82; II; H (м 5)
стр 323

мы есть поколебаться, что она уже поколебалась и далее не существуетъ для всѣхъ существъ, для ангеловъ, для боговъ и что, быть можетъ, они когда либо перестанутъ существовать и для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ. И тутъ онъ съ исключительной, какъ можетъ читатель мощью и силой поставилъ свой entweder-oder: „либо мы всѣ сумасшедшіе, либо „Сократа отравили" (~~и пр.~~ въ виду и вообще приводитъ примѣры — но, конечно, я имѣю въ виду, и Гуссерль имѣлъ въ виду не эту именно истину, а все безконечное множество истинъ такого же рода, (из которыхъ нашъ разумъ составляетъ наше знаніе) есть вѣчная истина, равно обязательная для всѣхъ сознающихъ существъ. У Кирхгарда его „entweder-oder" (первая большая работа — помимо его диссертацій называется Entweder-Oder) звучитъ столь же рѣшительно и столь же грозно: либо вѣчная истина, которая находитъ разумъ въ непосредственномъ дальнѣйшемъ сознаніи — есть только истина преходящія, и ужасъ, которое выпали на долю Іова, которые оплакивалъ Іеремія, и о которыхъ грезилъ въ своемъ „откровеніи" Іоаннъ, по волѣ того, который создалъ и вселенную и людей, вселенную заставляющихъ исчезнуть, превратиться въ ничто, въ призраки, какъ для проснувшагося превращаются въ ничто ужасы кошмара, безраздѣльно овладѣвающаго сознаніемъ спящаго человѣка. ~~Кир. Кирк~~

(избываетъ иной и т.д.)

Подъ напоромъ вопля, стенаній, плача Іеремій, Іова св. Іоанна и всѣхъ другихъ, для которыхъ „дѣйствительность" превратилась въ кошмаръ обнаружится что очевидность, которая какъ Гуссерль правильно сказалъ намъ, не есть голосъ съ небесъ, ибо мы, свободные люди, не довѣряемъ мистическимъ голосамъ, и требуетъ оправданія понятительнаго — ~~вдругъ~~ обнаружится, что очевидность не такъ несомненна, и что у нея нѣтъ никакихъ оправданій. Опять таки ~~Конечно~~ борьба съ самоочевидностями подсказана Кригарду Писаніемъ: человѣческая мудрость, какъ сказано въ Писаніи, есть безуміе предъ Господомъ. Не спасаетъ очевидности и законъ противорѣчія. Въ сонномъ видѣніи, когда человѣкъ чувствуетъ, что на него надвигается страшное чудовище, готовящееся уничтожить и истерзать его и весь міръ, въ то время какъ себя парализованнаго и неспособнаго не то, что защитить, а даже пошевелить хотя слабою рукой — спасеніе приходитъ вмѣстѣ съ противорѣчивымъ сознаніемъ, что овладѣвшій человѣкомъ кошмаръ не есть реальность, а только преходящая одержимость. Сознаніе противорѣчивое — ибо оно, вѣдь, предполагаетъ „истину", которая согласіемъ свидѣтельства, поручаемаго въ реальности сновидѣній, совершенно не можетъ быть допущена. Чтобъ избавиться отъ кошмара — нужно отбросить отъ себя законъ противорѣчія, которымъ держатся и всѣ очевидности нашей въ состояніи бодрствованія. ~~Сейчасъ~~ Это было основнымъ возраженіемъ моимъ Гуссерлю. На этомъ настаиваю, въ этомъ, вѣрнѣе смыслѣ библейскаго откровенія о паденіи перваго человѣка. Дереву

они чувствуютъ

познанія противуставляетъ древо жизни. Истинны, приносимые разумомъ преодолѣваются человѣческими страданіями. Знаю, сознаюсь хорошо знаю, какъ возмущается современная мысль даже возможностью такого допущенія. И не только европейская мысль, мнимо отдѣленная отъ Европы непроходимыми Гималаями индусъ была то той-же мнѣнія. Браманизмъ и еще въ большей степени, чѣмъ браманизмъ, буддизмъ — которыя европейскими мыслителями оцѣниваются плохо и рѣдко, какъ высшее достиженіе индусскаго мышленія — цѣликомъ держится на познаніи, опирающемся на очевидности. Нельзя преодолѣть высшаго принципа закономѣрной причины связи явленій, нельзя измѣнить высшей истины о томъ, что все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ, нельзя обойти неизбѣжный конецъ метамсихозу и нирваны — всѣмъ этимъ нельзя пренебречь, всѣ они нужно принять, но всѣмъ они нужно приспособить. Правда, есть всѣ основанія думать, что западная мысль приспособила индусское міросозерцаніе къ своимъ идеямъ, которыя сложились въ сегодняшнюю духовную исторію, надъ индусской мыслью царитъ идея свободы; наслѣдій (можно), которое, быть можетъ, значитъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ думаютъ западные истолкователи: хотя, по преданіямъ, самъ Будда, въ предсмертный часъ, повторилъ своему вѣрному ученику, что все, имѣющее начало, должно, по необходимости, имѣть конецъ — но вѣдь онъ же говорилъ — не менѣе страстно, чѣмъ Іеремія или Іоаннъ, о томъ, что, если бы собрать всѣ древнитаго людьми слезы, то собралось бы больше воды, чѣмъ

Безначаліе — голова медузы

въ четырехъ томахъ. Не пытался ли онъ, какъ Іовъ, сравнивать весь свой творческій съ человѣческими страданіями? Только какъ пустякомъ скорбѣ это подъ мѣстоимѣніемъ „теоретизировать"? Конечно, здѣсь не мѣсто обсуждать этотъ вопросъ. Я только хотѣлъ, для большей рельефности подчеркнуть, что европейская современная мысль, зачарованная самоочевидностями, считаетъ себя „воспрянувшей" подъ „откровенной" и „тяжкой", для которой человѣческія слова могущественнѣе, чѣмъ весь обнаруживающійся очевидностями необходимости. И въ этомъ говорю

что черезъ слова, взывающіе къ Творцу, а не черезъ разумъ допрашивающій „дальнѣе" идетъ мой отвѣтъ на вопросъ Макса Шелера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе того, отчего и тѣмъ подобнымъ путь къ искомымъ, началамъ, кор

нялъ пищ

повѣсно чту и цѣню философское дѣло Гуссерля. Онъ съ рѣдкимъ мужествомъ и состоялъ на рядъ встрѣчающихся мощью осмѣлился поставить самый существенный, самый трудный и самый болѣзненный вопросъ о „значимости" познанія. Для того, чтобъ познаніе было значимымъ, нужно признать его абсолютнымъ — и принять все, что чему оно насъ обязываетъ, принять безпощадную честность, поклониться намѣю, мудрости, безмолвіе, вѣрность, вѣрность отъ всего, что намъ найбольше нужно и дорого, какъ учитъ Ницше. Или отрекаться отъ „значимости" познанія, начать борьбу противъ очевидности, возводящей эмпирическій умъ въ высшій критерій. Первое сдѣлалъ въ подобное время Гуссерль — второе Кирхгаардъ, къ которому меня Гуссерль отсылаетъ. Приходится либо абсолютизировать истину и релативизировать познаніе, либо релативизировать истину, чтобъ спасти.

самому: окаменѣть

√ пригвождаемой самой изуми

√ восстать противъ власти „изуми"

отказать въ повиновеніи

человѣческую жизнь. Борьба съ самоочевидностями есть переводъ на философскій языкъ библейскаго завѣта, или учащно библейскаго откровенія: мудрость человѣческая есть безуміе предъ Богомъ, мудрость Бога есть безуміе предъ человѣкомъ. Гуссерль это чувствовалъ со всей проникновенностью своего философскаго чутья. Оттого онъ такъ настойчиво требовалъ отъ меня ознакомленія съ твореніями Кьркегарда, въ которомъ я съ самымъ мерзкимъ открылъ своего единомышленника: какъ могъ думать, что философъ помышляетъ къ своему противнику?! Что слагавшій гимнъ разуму и его самоочевидностямъ оцѣнилъ человѣка, провозгласившаго абсурдъ и безпощадную борьбу съ самоочевидностями? Понять и оцѣнить Гуссерля можетъ лишь посвященный его глубочайшую внутреннюю связь съ Кьркегардомъ. Первый ищетъ истину въ „откровеніяхъ" разума, второй въ „откровеніяхъ", которыми переполняется человѣческая душа предъ лицомъ неизбѣжныхъ ужасовъ жизни. У первого „песокъ морской" перевѣшиваетъ человѣческія муки, у второго человѣческія муки тяжелѣе морского песка. Первый рвется къ бытію — к бытьи речи, а второго бытіе никогда не было и не будетъ. Можно надѣяться, что „entweder-oder" Гуссерля и Кьркегарда преобразуютъ современную философскую мысль? Не думаю. Какъ бы ничтожны разрозненныя мыслители вышли изъ такой дисциплинованной. И всѣ они отворачиваются отъ Гуссерле-Кьркегардовскаго entweder-oder, хотя съ мыслью знаютъ знаки Кьркегарда и Ницше. Всѣ они возобновили старый лозунгъ: назадъ къ Канту, къ Канту для котораго Кьркегардовскій абсурдъ знамено-

двойники Достоевского

новалъ ту область Христіанскаго и Христіанства, которая ему была такъ ненавистна и связывалась съ готовностью человѣка подойти къ границамъ бытія, гдѣ царствуетъ „entweder-oder". Свою „критику чистаго разума" онъ „смягчилъ" „критикою разума практическаго". Постулаты Бога и безсмертія души успокаиваютъ человѣка, потрясенного дошедшей изъ критики разума вѣстью о смерти Бога. Но развѣ эти постулаты хотя сколько нибудь удовлетворяютъ разумъ? Развѣ разумъ не отнесетъ ихъ къ той-же области фантастическаго и суевѣрнаго? Двѣнадцать апостолъ бытія не можетъ: самое фантастическое суевѣріе допускать бытіе Бога и безсмертную душу все равно, въ силу ли нетлѣнія или силу постулата. И расшатать самоочевидности никому не дано. Пусть альфой и омегой Писанія будетъ сказано о предъисполненіи самыхъ начала Ветхаго завѣта, и обѣтованіе въ концѣ Новаго завѣта, что Богъ дастъ отъ плодовъ древа жизни человѣку, предпочтившему плодъ древа познанія? Но развѣ не „очевидно", что и Ветхій и Новый завѣтъ вышли изъ области суевѣрной фантастики? Просвѣщенный человѣкъ никогда не согласится искать истину въ старой, созданной не вѣковѣками породой книгѣ, какъ не согласится онъ противопоставить вопли Іова, плачъ Іереміи и громы Апокалипсиса тревогамъ сознанія разума съ его очевидностями. Философія не отказалась отъ Христа и его здраваго ученія.

Значитъ-ли это, что Киркегардовской-Гуссерлевское entwede-oder отвергнуто навсегда людьми? Что

только потому что они предлагались не какъ аксіомы, а как постулаты.

истины не принуждены

обобщенный Канта и Гегеля

они осуждена принять „безпощадную жестокость къ людямъ", пробозглашенную Ницше въ минуту одержимости разумомъ? И что Кьеркегардовскій абсурдъ рано или поздно будетъ съ корнемъ вырванъ изъ человѣческаго сознанія? Не думаю. Въ общей экономіи человѣческаго движенія ~~не понятна~~ понятіи продолжительно самоочевидностей имѣютъ свое, хотя и неощутимое и невидимое, но огромное значеніе. И я считаю себя безконечно обязаннымъ Гуссерлю, пренудившему меня силой своей безудержной мысли начать борьбу тамъ, гдѣ я въ ней, — и я самъ въ томъ числѣ — считаю, что нѣтъ никакихъ надеждъ на видимую для смертнаго глаза побѣду: чтобъ бороться съ самоочевидными истинами приходится прекратить всякіе счеты", этому меня научилъ Гуссерль, ~~противъ этой~~ изъ за этого я возсталъ противъ Гуссерля, въ которомъ видѣлъ и продолжаю видѣть великаго, величайшаго философа нашего времени.

Конец

Ф. 326